

Роман с пряником

Алексей Светлаков

18+

Алексей Светлаков
Роман с пряником

«Автор»

2026

Светлаков А.

Роман с пряником / А. Светлаков — «Автор», 2026

О чём молчат мужчины, когда им за сорок? Алексей Молчанов — обычный мастер на заводе. Днём он ремонтирует станки, а по ночам пишет роман о рыбаке Арктуре и принцессе Беатрис. Три года он тайно влюблён в секретаршу Наталью, но боится даже заговорить. Единственное, на что решается — каждую неделю подкладывать на её стол спелое яблоко. Всё, что не может сказать вслух, он доверяет бумаге: страх перед новыми чувствами, память об ушедшей жене, надежду на чудо. Но однажды грань между вымыслом и реальностью стирается... Это история о втором шансе, о том, как трудно решиться на первый шаг, когда за плечами боль потерь. И о том, что даже самая горькая жизнь может оказаться сладкой — как тот самый пряник. «Жизнь — она как пряник. Сладкая, пряная, иногда чуть горчит. Главное — не бояться откусить». Для тех, кто верит в любовь не с первого взгляда, а с первого понимания. Для всех, кто боится признаться в своих чувствах.

© Светлаков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
Пролог. Пряничный человечек	6
Книга первая. Зона отчуждения	8
Глава 1. За пятнадцать минут до будильника	8
Глава 2. Глаза цвета байкальской воды	10
Глава 3. Терапия творчеством	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алексей Светлаков

Роман с пряником

Повесть

Посвящается тем, кто боится сделать первый шаг

Пролог. Пряничный человечек

Всё началось с пряника.

Не с того, что продают в кондитерских Тулы — медового, с орешками и затейливой глазурью, напоминающей кружево. И не с того, что бабушка пекла по праздникам, когда мир был большим и добрым, а смерть казалась такой же невозможной, как полёт на Луну.

С другого. С того, который не съешь, не понюхаешь, не потрогаешь. С того, что живёт в самой глубине грудной клетки — там, где у людей сердце, а у Алексея Молчанова уже четыре года зияла тихая, затянутая паутиной пустота.

С мечты.

Алексей Тихонович Молчанов, сорока пяти лет, мастер производственного цеха на совместном российско-корейском предприятии, хорошо знал, что такое настоящий пряник. В детстве, в деревне под Калугой, бабка Агафья пекла их к Рождеству — румяные, душистые, с корицей и кардамоном, от которых по всему дому разливалось такое тепло, что даже лютые январские морозы отступали. Он любил подолгу рассматривать ледяные узоры на стёклах, а потом переводить взгляд на сахарные завитки пряников, находя в них сходство: те же причудливые замки, те же сказочные птицы, та же неприступная красота.

А потом съесть — медленно, смакуя, откусывая микроскопические кусочки, чтобы продлить удовольствие до бесконечности.

Детство кончилось в девяносто первом. Бабка умерла от разрыва сердца, когда рухнула страна, а вместе с ней — её сберкнижка. Пряники остались только в памяти, навсегда связавшись с запахом деревенского дома, скрипом половиц и бабкиными руками — узловатыми, в тёмных венах, но такими тёплыми.

Привычка искать в жизни сладкое осталась.

Днём Алексей был обычным человеком. Вставал в семь, пил растворимый кофе «Пеле» — дешёвый, но бодрящий, одевался в неизменные джинсы и клетчатую рубашку и ехал на завод. Там текли свои будни — отчётность, планерки, перекуры с дядей Колей, вечные претензии начальства. Жизнь текла ровно и предсказуемо, как Волга в среднем течении. Сытая, но безрадостная.

Но ночью начиналось другое.

Ночью, когда город засыпал, когда за окном гасли огни и только фонари гудели на одной унылой ноте, Алексей садился за старенький ноутбук — подарок жены, сделанный за месяц до того, как всё пошло прахом. Пальцы ложились на клавиатуру, и начиналось волшебство.

Он становился Арктуром.

Созвездие Волопаса он разглядел случайно в ту самую ночь, когда хоронил Анну. Вышел на балкон глотнуть воздуха, задрал голову к небу — и увидел. Арктур, самая яркая звезда Северного полушария. Древние греки называли его «Стражем Медведицы», он всегда светил ровно, уверенно, не мигая. Таким Алексей хотел быть для неё в последние полгода. Таким он хотел быть для себя сейчас.

Арктур — благородный герой без страха и упрека. Тот, кем Алексей Молчанов не был никогда.

А она — та, о ком он боялся думать днём, — становилась Беатрис. Имя пришло само, выплыло из школьной программы по литературе. Беатриче — возлюбленная Данте, проводница в рай. Только его Беатрис была не проводником, а наоборот — той, кого нужно спасти. Потому что в реальности Алексей не мог спасти никого.

В этом выдуманном мире они могли быть вместе.

Всё началось с неё. С Натальи Сергеевны.

Так, по отчеству, официально и холодно, он называл её на работе. Про себя же — в мыслях, в бессонных ночных бдениях, в черновиках романа — просто Наташа. Секретарша начальника, женщина с глазами такого небесного оттенка, что Алексей всякий раз терял дар речи, стоило ему оказаться в трёх метрах от неё.

Она появилась в его жизни три года назад, когда он только устроился на завод после долгого запоя, в который провалился на второй год после Аниной смерти. Зашёл в приёмную с бумагами — помятый, небритый, с трясущимися руками — поднял глаза и... пропал.

Потому что таких глаз он не видел никогда. Голубых, как Байкал на самой глубокой фотографии, которую он когда-либо рассматривал в интернете. Глубоких, как сама вечность. И в них не было ни жалости, ни брезгливости — только спокойное, ровное внимание.

— Вы к Борису Петровичу? — спросила она тогда, и голос её прозвучал для него как первая музыка после долгой тишины.

— Да, — выдавил он, чувствуя, как предательски краснеют щёки. В сорок два года, после всего пережитого — краснеть, как мальчишка.

— Проходите, он вас ждёт.

Она улыбнулась. Легко, одними уголками губ. И эта улыбка врезалась в память навечно.

С тех пор прошло три года. Три года он смотрел на неё, слушал её голос в коридорах, вдыхал запах её духов, случайно задерживаясь в приёмной дольше необходимого. Три года боялся подойти, заговорить, признаться.

Страх этот был особой природы — не только страх отказа (это он пережил бы), но и страх предать память. Четыре года назад Анна, угасая в больничной палате, сжимала его руку исхудавшими пальцами и шептала: «Живи, Лёша. Обещай мне, что будешь жить. Не застынь».

Он обещал. И старался выполнить обещание — работал, ходил в магазин, платил за квартиру, даже бросил пить. Но внутри, в том самом месте, где когда-то жила душа, образовалась пустота. Холодная, звенящая пустота, которую ничем не заполнить.

Легче было любить её издалека, в тайне, ни на что не надеясь. Легче было написать о ней роман.

Книга первая. Зона отчуждения

Глава 1. За пятнадцать минут до будильника

Он проснулся в 6:45, как всегда, за пятнадцать минут до будильника. Эта привычка выработалась за годы работы — организм сам знал, когда пора вставать, и не доверял механизмам. За пятнадцать минут можно было успеть подумать о важном, пока утро ещё не ворвалось в сознание со всей своей неумолимой обыденностью.

За окном моросил октябрьский дождь. Город встретил утро серым, размытым лицом — стёкла текли мутными разводами, небо давило на крыши пятиэтажек, и весь мир казался выцветшей акварелью, которую забыли убрать из-под дождя. Алексей вздохнул, натянул тренировочные штаны с пузырями на коленях и поплёлся на кухню ставить чайник.

Квартира была маленькой — однушка в хрущёвке на окраине, доставшаяся от бабки. Мебель старая, ещё ленинградских времён, с вытертой до дыр обивкой. Книжные стеллажи вдоль стен ломились от книг — здесь были и классики в потрёпанных томах, и детективы в мягких обложках, купленные в переходах, и фантастика, и сборники стихов, которые Алексей иногда перечитывал перед сном, шевеля губами. Единственным современным предметом в квартире был старенький ноутбук на письменном столе — его тайная гордость, главное сокровище и одновременно орудие пытки.

Но самое ценное хранилось в серванте — фотография Анны в деревянной рамке. Четыре года прошло, а он всё ещё иногда разговаривал с ней по ночам. Спрашивал совета. Рассказывал о работе. О Наташе — молчал. Стыдно было.

Чайник закипел. Алексей заварил дешёвый растворимый кофе, намазал маслом кусок вчерашнего батона — хлеб уже чуть заветрился, но есть можно — и сел к окну. Завтрак занял ровно семь минут. Размеренная жизнь имеет свои преимущества: никогда не опаздываешь.

В голове уже крутились мысли о работе. Сегодня плановая проверка цеха из головного офиса. Приедут важные люди в дорогих костюмах, будут ходить с умными лицами и тыкать пальцами в станки, о которых имеют самое смутное представление. Борис Петрович наверняка будет нервничать и срываться на подчинённых. Надо проверить станки, пробежаться по отчётности, надраить цех до зеркального блеска...

Но среди этих привычных мыслей жила и другая — та, что согревала его холодным утром уже третий год.

Наталья Сергеевна.

Он увидит её сегодня. Обязательно увидит, даже если придётся придумать для этого дурацкий предлог. Может быть, даже услышит её голос — мягкий, чуть с хрипотцой, от которого у Алексея внутри всё переворачивалось и замирало одновременно. Может быть, она улыбнётся ему, проходя мимо с бумагами, и этот день станет чуточку светлее, чуточку выносимее.

— Стыдно, Лёша, — сказал он сам себе, глядя на отражение в тёмном окне. Сорок пять лет, седина на висках, мешки под глазами. А ведёт себя как подросток. — Влюбился, как мальчишка. А подойти боишься.

Молчание было ему ответом. Только дождь стучал по подоконнику, отсчитывая минуты до начала нового дня.

Он допил кофе — горький, обжигающий, — помыл чашку, оделся и вышел.

Пять этажей пешком. Автобус до остановки «Заводская», двадцать минут тряски в переполненном салоне, где пахнет мокрой одеждой и чужими телами. Потом проходная, вахтёрша тётя Зина с вечным вопросом «Ну чё, Молчанов, как жизнь?» и её же вечным ответом «Ладно, проходи, чего уж там», не требующим ответа.

И наконец — завод. Огромный, гудящий, пахнущий металлом и машинным маслом. Второй дом. Убежище. Место, где можно спрятаться от самого себя.

Цех встретил Алексея привычным шумом станков. Где-то взвизгнуло сверло, где-то зашипел пневматический привод — симфония труда, знакомая до последней ноты. Рабочие уже переодевались, готовились к смене. Молодой парень Серёга Соколов, только вернувшийся из армии, махнул рукой:

— Лёха, привет! Слыш, комиссия едет?

— Слышал, — кивнул Алексей, стряхивая с куртки капли дождя. — Ничего страшного, главное — не дёргаться. Работайте как обычно.

— Легко сказать, — Серёга почесал затылок, отчего его ёжик ещё больше взлохматился. — Петрович уже с утра бешеный. В приёмной на всех орёт. Я заходил ведомость относить — думал, съест.

Сердце Алексея ёкнуло. Приёмная. Там она.

— Прорвёмся, — сказал он как можно равнодушнее и пошёл в раздевалку.

Переодеваясь в рабочую робу — синюю, вытертую на локтях, но чистую, — он поймал себя на том, что думает не о станках и не о проверке. О ней. О том, как она сегодня выглядит. О том, улыбнётся ли ему. О том, заметит ли вообще.

— Молчанов, ты чего застыл? — окликнул его напарник дядя Коля, немолодой уже мужик с лицом, изъеденным многолетней работой в цехе. — Мечтаешь, что ли? Комиссия на носу, а он в прострации.

— Да нет, — смутился Алексей, натягивая робу. — Задумался просто.

— О бабе небось, — дядя Коля хитро прищурился, отчего его и без того узкие глаза превратились в щёлочки. — Вижу, вижу, как ты на секретаршу нашу заглядываешься. Ты это, не робей. Подойди, познакомься. В моём-то возрасте уже всё равно, а тебе ещё жить да жить.

— Да я знаком, — буркнул Алексей, застёгивая пуговицы. — Работаем вместе.

— Работаете, а толку? — дядя Коля вздохнул и закурил, хотя курить в раздевалке было строжайше запрещено. — Эх, молодёжь. В наше время проще было. Увидел девушку — подошёл, познакомился, в кино пригласил. А вы всё боитесь чего-то. Цифровой век, блин.

Алексей ничего не ответил. Он действительно боялся. Но страх этот был сложнее, чем просто боязнь отказа. В нём смешалось всё: память об Ане, и чувство собственной неполноценности, и понимание, что он уже немолод и некрасив, и та особенная трусость, которая свойственна людям, однажды пережившим большое горе. Они боятся нового счастья, потому что знают, как больно его терять.

Легче было любить её издалека.

Легче было написать о ней роман.

Глава 2. Глаза цвета байкальской воды

Рабочий день тянулся медленно, как патока. Около одиннадцати позвонил Борис Петрович — голос в трубке звучал раздражённо, с металлическими нотками, не предвещавшими ничего хорошего:

— Молчанов, зайди с отчётом! Живо!

Алексей вздохнул, собрал бумаги — те самые, которые переделывал вчера до девяти вечера, — и направился в административный корпус.

Каждый шаг по длинному коридору приближал его к приёмной. Сердце билось чаще, дыхание сбивалось. Ладони вспотели так, что бумаги грозили размокнуть. Он мысленно выругал себя за это мальчишеское волнение — сорок пять лет, седая борода, а ведёт себя как подросток перед первым свиданием.

И вот она — стеклянная дверь с табличкой «Приёмная», за которой начинается зона отчуждения его спокойствия. Алексей толкнул дверь и вошёл.

Она сидела за своим столом и печатала. Солнечный зайчик от настольной лампы — несмотря на дождь за окном, в приёмной горел электрический свет — играл в её светлых волосах, собранных в аккуратный пучок на затылке. Глаза — небесно-голубые, чистые, глубокие — были устремлены в монитор. Она не заметила его появления, и Алексей позволил себе секунду просто смотреть на неё. Запоминать. Копить в памяти, как скупец копит золото.

На ней была строгая белая блузка и тёмная юбка — обычная офисная униформа, ничего особенного. Но для Алексея каждая деталь была значима: как лежит воротничок, как блестят серёжки-гвоздики в ушах, как чуть заметно шевелятся губы, беззвучно проговаривая то, что она печатает.

— Алексей Тихонович? — она подняла глаза и улыбнулась — той самой улыбкой, которая три года не давала ему покоя. — Вы к Борису Петровичу?

— Да, — выдавил он, чувствуя, как предательски краснеют щёки. — Отчёт принёс. По плановой проверке.

— Проходите, он вас ждёт. Только... — она сделала паузу и понизила голос почти до шёпота: — Он сегодня не в духе. Комиссия уже звонила, чем-то недовольна. Вы поосторожнее.

Алексей моргнул. Она предупреждала его. Заботилась о нём. Это было так неожиданно и так тепло, что у него перехватило дыхание.

— Спасибо, — выдохнул он. — Наталья Сергеевна.

— Не за что, — она снова улыбнулась и кивнула на дверь кабинета. — Идите, не заставляйте ждать.

Он вошёл в кабинет начальника, чувствуя себя так, будто его окатили ледяной водой, а потом сразу же — тёплым молоком. Глупо, конечно. Чего он ждал? Что она вскочит и бросится ему на шею с криком «наконец-то»?

Борис Петрович, грузный мужчина с багровым лицом гипертоника, был мрачнее тучи. Проверка прошла неважно, комиссия нашла кучу недостатков, и теперь начальник искал, на ком сорвать злость. Алексей попал под раздачу первым номером.

— Ты что мне принёс?! — заорал Борис Петрович, даже не глядя в бумаги, которые Алексей положил на стол. — Это же халтура! Где показатели за прошлый месяц?! Где график планово-предупредительных ремонтов?! Ты чем вообще думаешь, Молчанов?!

— Всё там, Борис Петрович, — попытался возразить Алексей, но голос его прозвучал неуверенно, срываясь на фальцет. — Просто оформлено по новой форме, которую прислали из головного. Я же не сам придумал...

— Меня не волнует форма! Меня волнует результат! — начальник швырнул папку на стол так, что бумаги разлетелись веером. — Переделать! К завтрашнему утру! И чтоб без ошибок! А не то...

Он не договорил, но и так было понятно. Алексей кивнул, собрал разлетевшиеся листы и вышел.

Проходя через приёмную, он снова взглянул на неё. Она смотрела на него с таким сочувствием, что у него защемило сердце.

— Тяжёлый день? — тихо спросила она, когда он поравнялся с её столом.

— Бывает и хуже, — усмехнулся Алексей, стараясь, чтобы усмешка вышла не слишком горькой. — Привык уже.

— Держитесь, — улыбнулась она, и в этой улыбке было столько тепла, сколько Алексей не получал за последние годы от всех знакомых вместе взятых. — У него просто нервы. Проверка эта... Все переживают.

— А вы не переживаете? — спросил Алексей и сам удивился собственной смелости. Он даже остановился, чего обычно не делал.

— Я? — она пожала плечами, и это движение вышло удивительно грациозным. — Я уже привыкла. Секретарь должен быть скалой. Всё пропускать мимо ушей. Иначе с ума сойдёшь.

— Скала, — повторил Алексей и почему-то смутился ещё больше. — Ну, я пойду. Работать. Бумаги переделывать.

— Удачи, Алексей Тихонович.

Она снова улыбнулась, и эту улыбку он унёс с собой в цех. Унёс и спрятал глубоко в сердце — в тот самый потайной ящик, где хранились воспоминания об Ане. Впервые за четыре года он положил туда что-то новое.

В тот же день случилось неожиданное.

Когда Алексей уже собирался уходить — рабочий день закончился, цех затихал, только дежурная смена оставалась на посту, — его окликнули в коридоре административного корпуса.

— Алексей Тихонович, постойте!

Он обернулся. Наталья Сергеевна стояла у дверей приёмной с пакетом в руках. Вид у неё был немного смущённый, даже виноватый.

Она подошла и протянула ему красное яблоко. Наливное, крупное, с зелёным бочком и капельками дождя на глянцевой кожице.

— Вот, возьмите. У нас тут стресс-менеджмент по-секретарски, — она улыбнулась, но в улыбке сквозило что-то ещё, чего Алексей не мог определить. — Борис Петрович сегодня особенно суров. Яблоко поднимает настроение. Проверено на себе.

Алексей взял яблоко. Оно было тяжёлым, прохладным, пахло осенью и чем-то невероятно родным, забытым. Садам. Детством. Бабкиным домом в Калужской области.

— Спасибо, — выдохнул он. И добавил, собрав всю волю в кулак: — Наталья Сергеевна.

— Не за что, — она кивнула и пошла к выходу, цокая каблучками по кафельному полу.

Алексей долго смотрел ей вслед, сжимая яблоко в руке. Потом медленно поднёс его к лицу и вдохнул запах. Закрыв глаза.

Когда он открыл их, коридор был пуст.

Глава 3. Терапия творчеством

Домой Алексей вернулся около восьми. Сварил пельмени — «Мясной дворик», триста грамм за сто двадцать рублей, — поужинал, глядя в телевизор, где шла какая-то старая комедия с бездарным переводом. Посмотрел новости — всё как всегда, всё предсказуемо.

Но с каждым часом приближалось то время, ради которого он, в сущности, и жил.

Около одиннадцати, когда за окном стихли звуки города — последние машины проехали, последние подвыпившие прохожие разбрелись по домам, — Алексей сел за стол и включил ноутбук. Рядом, словно талисман, лежало то самое яблоко. Алексей не решался его съесть — оно казалось особенным, почти сакральным. Он сидел перед ноутбуком, смотрел на красный бок и думал о ней.

Она дала мне яблоко. Просто так. Потому что пожалела.

Эта мысль грела его весь вечер, не давая провалиться в привычную депрессию. А потом он открыл роман.

Первые несколько минут он просто перечитывал написанное вчера. Потом пальцы легли на клавиатуру. Но сегодня что-то мешало. Образ Анны встал перед глазами с неожиданной отчётливостью. Не тот, последний — измученный, жёлтый, с провалившимися глазами, — а другой, живой. Она смеётся на кухне, размахивая половником. Она читает ему вслух Бродского, коверкая ударения. Она спит, свернувшись калачиком, уткнувшись носом ему в плечо.

Алексей откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Четыре года. Четыре долгих года, каждый из которых тянулся как век.

Аня ушла быстро — полгода от диагноза до конца. Рак поджелудочной. Сначала боли, которые она героически скрывала, потом больницы, потом хоспис. А потом — тишина. Он помнил её руку в своей, когда она уходила. Худую, почти невесомую, с обручальным кольцом, которое болталось на пальце. Помнил, как смотрел на это кольцо и думал: «Она же была такая живая. Как это вообще возможно?»

Странно, но сегодня он вспомнил не это. Он вспомнил, как она смеялась над подгоревшим пирогом — в первый год их супружеской жизни. Как они дурачились в новогоднюю ночь, наряжая ёлку, и она нацепила мишуру ему на голову, объявив его королём праздника. Как она любила, когда он читал ей вслух — Чехова, Набокова, даже технические инструкции, если под рукой не было ничего другого.

— Живи, Лёша, — прошептала она тогда, в последний час. — Обещай мне, что будешь жить. Не застынь, как статуя. Обещай.

Он обещал. И старался выполнить обещание. Работал, ходил в магазин, платил за квартиру, даже начал понемногу выбираться из дома — в кино, в библиотеку. Но внутри, там, где когда-то жила душа, было пусто. Холодно и пусто, как в заброшенном доме.

А потом появилась Наташа.

Он открыл глаза и посмотрел на яблоко. Протянул руку, погладил гладкую, прохладную кожуру.

— Ты бы её одобрила, Ань, — тихо сказал он в пустоту. — Она добрая. И глаза... я таких не видел никогда.

Тишина была ему ответом. Но в этой тишине вдруг почудилось что-то тёплое, разрешающее. Как будто кто-то невидимый кивнул и улыбнулся.

Алексей вздохнул, поднёс яблоко ко рту и откусил. Оно было кисло-сладким, сочным, хрустящим — звук разнёсся по тихой квартире, как выстрел. Вкус жизни.

Пальцы снова легли на клавиатуру.

Из романа «Принцесса и рыбак»

В портовом кабаке «Чёрные паруса» всегда было шумно, грязно и пахло дешёвым пойлом, которое здесь называли вином. Но сегодня здесь стояла непривычная тишина — та особенная тишина, которая бывает перед бурей. Трое угрюмых мужиков в промасленных робах сидели за дальним столом и хмуро смотрели в кружки, не решаясь поднять глаза друг на друга.

— Слышь, Арктур, — толкнул локтем Сыч, здоровенный детина с наколками на предплечьях, изображавшими почему-то не голубей или якорей, а сложный геометрический орнамент. — Ты чего нос повесил? Работа есть работа. За бабки любую сделаем.

— Работа, — глухо повторил Арктур, не поднимая глаз. Он крутил в мозолистых пальцах перочинный ножик — единственную ценную вещь, что осталась от отца. Лезвие тускло поблёскивало в свете коптилки, и этот блеск гипнотизировал. — Сказали, лодку починить. А мы, выходит, девок воровать приехали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.